

Domestic Violence in Uzbekistan: The Scale of the Problem and Ways to Solve It

Shokhrukhbek SOBIROV¹

Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan

ARTICLE INFO

Article history:

Received January 2025

Received in revised form

15 January 2025

Accepted 25 February 2025

Available online

25 March 2025

Keywords:

Domestic Violence,
Uzbekistan,
Patriarchal Norms,
Legal Reforms,
Protective Orders,
Judicial Practice,
Social Stigma,
International Standards.

ABSTRACT

This article examines the widespread issue of domestic violence in Uzbekistan by analyzing official statistics, cultural determinants, and the shortcomings of the judicial system. Drawing on global data from the World Health Organization – which states that one in three women experiences physical or sexual violence – the study highlights similar alarming trends in Uzbekistan. National reports reveal a rapid increase in protective orders and court cases, particularly in rural areas, where traditional patriarchal norms and gender stereotypes prevail. The paper discusses how economic dependency, limited awareness of legal rights, and social stigma contribute to the perpetuation of violence against women. It further explores systemic challenges, such as the excessive use of reconciliation in courts, which often results in soft penalties for perpetrators and even the penalization of victims who act in self-defense. Drawing lessons from international best practices, including the Istanbul Convention and experiences from European and North American jurisdictions, the article offers concrete recommendations for comprehensive legal and social reforms. The ultimate goal is to spur policymakers, legislators, and community leaders to take decisive actions that ensure effective protection and rehabilitation for victims, thereby fostering a society where domestic violence is unequivocally condemned and prevented.

2181-1415/© 2025 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss2/S-pp385-401>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

¹ Chief Researcher, Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan.

O'zbekistonda oilaviy zo'ravonlik: Muammo masshtabi va yechim yo'llari

Kalit so'zlar:

Oilaviy zo'ravonlik,
O'zbekiston,
patriarxal qadriyatlar,
huquqiy islohotlar,
himoya buyruqlari,
sud amaliyoti,
stigmatizatsiya,
xalqaro standartlar.

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola O'zbekistonda oilaviy zo'ravonlik muammosini rasmiy statistika, ijtimoiy madaniy omillar va sud tizimining kamchiliklari asosida tahlil qiladi. Jahon sog'liqni saqlash tashkilotining ma'lumotlariga ko'ra, har uchdan bir ayol jismoniy yoki jinsiy zo'ravonlikka uchraydi – bu global miqyosdagi muammo bo'lib, O'zbekistonda ham shunday xavfli tendensiyalar kuzatilmoqda. Milliy hisobotlar, ayniqsa qishloq hududlarida, himoya buyruqlari va sud ishlarining tez sur'atlarda ortishini ko'rsatadi, bu yerda patriarxal qadriyatlar va gender stereotiplari hukmronlik qiladi. Tadqiqot shuni aniqlaydi: ayollarning iqtisodiy qaramligi, huquqiy xabardorlikning yetishmasligi va ijtimoiy stigmatizatsiya zo'ravonlikni davom ettirishga olib keladi. Shuningdek, sud amaliyotidagi tizimli muammolar, masalan, tomonlarning majburan yarashuvi va himoya choralari qabul qilinishi, ayollarning o'zini himoya qilish holatlarida ham jazolanib qolish holatlari tahlil qilinadi. Xalqaro tajribalar, jumladan, Istanbul Konvensiyasi va Yevropa hamda Shimoliy Amerikadagi yondashuvlar asosida maqola kompleks huquqiy va ijtimoiy islohotlar uchun aniq tavsiyalar beradi. Asosiy maqsad – siyosatchilar, qonunchilar va jamiyat yetakchilarini chora ko'rishga, ayollarga haqiqiy himoya va reabilitatsiya sharoitini yaratishga undashdir.

Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения

Ключевые слова:

Домашнее насилие,
Узбекистан,
патриархальные
традиции,
законодательные
реформы,
охранные ордера,
судебная практика,
стигматизация,
международные
стандарты.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема домашнего насилия в Узбекистане через призму анализа официальной статистики, социальных и культурных предпосылок, а также недостатков правоприменительной системы. Опираясь на данные Всемирной организации здравоохранения, согласно которым каждая третья женщина сталкивается с физическим или сексуальным насилием, исследование выявляет аналогичные тревожные тенденции в Узбекистане. Национальные отчёты свидетельствуют о резком увеличении количества охранных ордеров и судебных дел, особенно в сельских регионах, где преобладают патриархальные традиции и гендерные стереотипы. Анализ показывает, что экономическая зависимость женщин, недостаточная информированность о своих правах и стигматизация жертв способствуют сохранению насилия. Также обсуждаются

системные проблемы судебной практики, такие как формальное примирение сторон, что ведёт к мягким наказаниям для агрессоров и привлечению к ответственности жертв, защищающихся от насилия. В статье приведены международные примеры и рекомендации, направленные на комплексные законодательные и социальные реформы, позволяющие обеспечить реальную защиту и реабилитацию пострадавших. Цель работы – побудить законодателей и общественных лидеров к решительным действиям по искоренению домашнего насилия.

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2022 года Узбекистан потрясла ужасная трагедия: 64-летний мужчина в Ферганской области отрубил голову своей невестке лишь за то, что она «грубо» ему ответила. К сожалению, подобные истории – не редкость. Домашнее насилие остаётся скрытой эпидемией в стране. По официальным данным, только за **11 месяцев 2021 года** было зарегистрировано почти **36 000 случаев** насилия в отношении женщин, из них более **12 000** – физическое насилие. А всего лишь за **первые 6 месяцев 2023 года** насчитывалось около **20 000** случаев семейного насилия. Эти шокирующие цифры и реальные истории жертв свидетельствуют: проблема носит массовый характер и требует безотлагательных мер. В данной статье представлен детальный анализ текущей ситуации с домашним насилием в Узбекистане – от официальной статистики и причин распространённости до пробелов правоприменения и уроков международного опыта. Цель – привлечь внимание политиков, законодателей и общественных лидеров к необходимости глубоких реформ, обеспечивающих реальную защиту жертв насилия.

Официальные данные: масштаб и динамика проблемы

Распространённость насилия. Официальная статистика показывает, что домашнее насилие – повсеместное явление, затрагивающее десятки тысяч женщин ежегодно. По данным МВД, в **2021 году** правоохранительные органы получили **39 343 обращения** о притеснениях и насилии в отношении женщин и девушек. Из них **34 330 случаев (87%)** произошли **в семейном кругу** – то есть насилие совершалось супругами, другими родственниками или сожителями. Фактически подавляющее большинство актов жестокого обращения с женщинами происходит дома. Всем обратившимся были выданы защитные предписания (охранные ордера) на 30 дней, с возможностью продления при сохранении угрозы.

Охранные ордера и пострадавшие. Практика введения охранных ордеров начала действовать после принятия в 2019 году Закона «О защите женщин от притеснения и насилия» (ЗРУ-561) – он создал правовой механизм для защиты жертв путем вынесения охранного ордера и других мер. Это привело к резкому увеличению выявляемости случаев. Если за **весь 2020 год** было выдано около **14 774 охранных ордеров** пострадавшим женщинам, то уже за **4 месяца 2021 года** – **14 165 ордеров**, почти столько же, сколько за предыдущий год. По итогам **2021 года** общее число выданных ордеров достигло **39 343**, что соответствует числу обращений пострадавших за помощью. Среди них: **378 ордеров** получили несовершеннолетние девушки, **9 861** – женщины

в возрасте 18–30 лет, и **29 104** – женщины старше 30. Это свидетельствует, что насилию подвергаются женщины разных возрастов, хотя основная масса – старше 30 лет (вероятно, состоящие в браке много лет).

Домашнее насилие – семейная проблема. Официальные данные подтверждают, что агрессорами обычно выступают родственники жертвы. В 2021 году из всех выданных охранных ордеров: **26 667** предназначались для защиты женщин от собственных мужей, **1 559** – от свекровей, **1 128** – от невесток, и **9 989** – от других лиц (бывших супругов, сожителей, отцов и т.д.). Таким образом, чаще всего насилие исходит от мужа по отношению к жене, но немалое число случаев связано и с конфликтами со свекровьями или другими членами семьи в традиционных больших семьях. Географически проблема охватывает всю страну – сигналы о семейном насилии поступают **из всех регионов**, как отмечают общественные организации, хотя уровень выявляемости может различаться в городах и сельской местности. В целом же насилие над женщинами – **общенациональная проблема**, не ограниченная каким-либо одним регионом или социальным слоем.

Формы насилия. Домашнее насилие проявляется в разных формах – не только физическое избиение. При анализе обращений женщин в 2021 году было выявлено: **18 777 случаев психологического насилия**, **13 658 – физического**, **7 174 – случаев «давления»** (угроз, преследования), **234 – экономического** и **106 – сексуального** насилия. То есть наиболее распространены **психологическое насилие** – унижения, запугивание, моральный террор – и **физические побои**. Редкое официальное фиксация экономического и сексуального насилия (сотни случаев) скорее говорит не о том, что их мало, а о том, что женщины реже решаются заявлять о такого рода злоупотреблениях, часто испытывая стыд или не имея возможности доказать эти факты. Тем не менее новый закон 2019 года юридически определил все эти понятия – физическое, сексуальное, экономическое и психологическое насилие, а также «домогательство» – и признал их противоправными. Важно, что **84,8% граждан** (по соцопросам) знают о случаях домашнего насилия среди своих родных, коллег или соседей, то есть проблема находится на виду у окружающих, хотя долгое время замалчивалась.

Динамика и тенденции. В 2022–2023 годах число обращений продолжало расти, что может свидетельствовать как об увеличении самих случаев насилия, так и о большей готовности жертв искать помощь. За **январь–октябрь 2022 года** охранные ордера получили **32 783 женщины и девушки**, подвергавшиеся насилию или домогательствам. К **июлю 2023 года** президент Шавкат Мирзиёев сообщал о **20 тысячах случаев** семейного насилия всего за полгода. В то же время, по словам Комитета по делам семьи и женщин, в 2023 году отмечалось некоторое снижение показателя по сравнению с предыдущим годом. Однако каждое новое сообщение о жестоком случае – будь то очередное убийство жены мужем-агрессором или доведение жертвы до самоубийства – показывает, что **проблема далека от решения**. Например, в 2020 году, на фоне локдауна из-за пандемии, число самоубийств среди женщин и девочек в Узбекистане выросло до **900 случаев (с 600 годом ранее)** – многие из них были связаны с семейными конфликтами, насилием со стороны супругов или свекровей. Таким образом, статистика указывает на чрезвычайную актуальность проблемы: домашнее насилие ежегодно затрагивает десятки тысяч семей, приводя к трагическим последствиям.

Социально-культурные причины распространённости насилия

Почему же домашнее насилие столь укоренилось в узбекском обществе? Эксперты сходятся во мнении, что действуют **глубокие социально-культурные факторы** – патриархальные традиции, зависимое положение женщин и стигматизация жертв – которые поддерживают порочный круг насилия.

Патриархальные устои и стереотипы. Узбекистан – страна с традиционным укладом, где семейные ценности ставятся очень высоко. К сожалению, нередко это оборачивается терпимостью к насилию в семье. Как отмечает С. Дзарданова, **проблема держится на двух столпах:** первый – **патриархальные устои**, оправдывающие насилие и ведущие к его принятию **как агрессорами, так и самими жертвами**. С детства в сознание вживляются роли: мальчиков учат, что им позволительно проявлять агрессию и «воспитывать» женщин, а девочек – что они должны быть покорными, терпеливыми женами, которые «во благо семьи» смиряются с выходками мужа. В обществе глубоко укоренилась поговорка «Қозон-дахдақсиз бўлмади» («Не бывает котла без пригорелого места»), аналог русской «Бьёт – значит любит», которая, по сути, **нормализует насилие**. Согласно региональным опросам, почти **48% женщин** в соседнем Таджикистане согласны с утверждением, что **домашнее насилие – личное семейное дело**, в которое не следует вмешиваться. Подобные показатели отражают и общее восприятие проблемы в традиционных сообществах Узбекистана. Более того, патриархальные установки подкрепляются порой и официальной риторикой: **культ «традиционных ценностей»** делает акцент на сохранении целостности семьи **любой ценой, даже в ущерб правам и безопасности женщин**. Например, чиновники часто призывают «хранить семейный очаг», и даже в официальных сообщениях о новом законе 2023 года упоминалось, что он направлен на «укрепление института семьи» – что может косвенно оправдывать примирение с обидчиком ради видимости семейного благополучия.

Экономическая зависимость женщин. Ещё одной ключевой причиной, заставляющей многих женщин терпеть насилие, является их **финансовая и материальная зависимость** от мужей. В традиционной семье муж рассматривается как главный кормилец, а жена часто не имеет собственной карьеры или дохода. Хотя в Узбекистане много женщин трудятся в сельском хозяйстве, торговле, сервисе, их заработки нередко ниже прожиточного минимума, и они целиком отдают их на нужды семьи. В случаях, когда муж запрещает жене работать или контролирует семейный бюджет, женщина лишена экономической самостоятельности. Согласно исследованию, жертвы зачастую продолжают жить с агрессором именно **из-за отсутствия материальной независимости** – им некуда идти, не на что снимать жильё, нечем кормить детей без поддержки мужа. Особенно тяжело приходится домохозяйкам, у которых нет собственных средств: даже если они страдают от побоев, уйти от агрессора значит остаться без средств к существованию. **Бедность и экономическая уязвимость** таким образом становятся питательной средой для насилия. Показателен случай в Кашкадарье: муж годами пил и бездействовал, всю семью тянула жена-фермер. Однажды, когда он в пьяном угаре набросился на неё с удушением, женщина, защищаясь, ударила его ножом и непреднамеренно убила. Она призналась, что давно терпела побои,

потому что содержала не только детей, но и самого мужа-иждивенца. Этот пример иллюстрирует типичную ситуацию: **финансовое бремя и ответственность за семью лежат на женщине**, но при этом она не имеет реальной власти и вынуждена мириться с насилием, пока ситуация не дойдёт до крайности.

Стигматизация жертв и давление общества. К сожалению, жертвы домашнего насилия в Узбекистане зачастую не получают сочувствия – напротив, они нередко подвергаются осуждению со стороны общества и даже близких. Развод и вынос сор из избы традиционно порицаются. Женщина, решившая уйти от мужа-тирана, рискует получить клеймо **«разведёнки»**, которое несёт негативный оттенок. Многие боятся этого настолько, что предпочитают терпеть побои. По данным исследования, **62,1% пострадавших женщин не обращаются** в милицию или другие органы, когда сталкиваются с насилием, **из-за страха, стыда и стигмы.** Чувство стыда испытывают 23,3% опрошенных, **страх перед агрессором или мстью** – 19,4%, а **давление семьи и окружения** вынуждает многих «не выносить сор из избы». Часто родственники самой жертвы уговаривают её **«потерпеть ради детей»** или убеждают, что виновата она сама (“не угодила мужу”). **Общественное мнение** до сих пор склоняется к тому, что домашние проблемы надо решать молча, внутри семьи.

Эта **культура молчания** долгое время мешала осознанию масштаба проблемы. Даже сейчас, когда в СМИ все чаще освещаются случаи насилия, жертвы опасаются осуждения: **семья и друзья** могут вместо поддержки порицать женщину за то, что она «не уберегла брак» или «спровоцировала мужа». Страх быть обвинённой и опозоренной удерживает многих от обращения за помощью. Таким образом, **социальная стигматизация** жертв – мощный фактор, продолжающий подпитывать терпимость к насилию.

Все эти причины – **патриархальные нормы поведения, экономическая зависимость и общественная стигма** – переплетаются между собой. В результате в обществе складывается ситуация, когда **домашнее насилие либо оправдывается, либо замалчивается**, а многие женщины ощущают, что у них нет выхода. Для эффективной борьбы с проблемой необходимы перемены именно на этом, культурно-социальном уровне: пересмотр устоев, просвещение и поддержка женщин в стремлении к самостоятельности и достоинству. Без изменения общественного сознания одних только законов недостаточно.

Проблемы правоприменения: от полиции до суда

Даже когда женщина решается обратиться за защитой, ее ждет множество **препятствий в правоприменительной системе.** Законодательная база в Узбекистане до недавнего времени была несовершенной, а практика работы полиции и судов – далеко не идеальна. Рассмотрим ключевые проблемы: стремление к примирению сторон, закрытие дел по **«мировой»**, мягкость наказаний агрессоров и трудности с признанием самообороны жертв.

«Примирение любой ценой». Традиционный уклад и ориентация на сохранение семьи сильно влияют на работу правоохранительных органов. Часто первая реакция милиции на заявление о побоях – **уговорить супругов помириться**, а не доводить дело до суда. Эта практика получила даже официальное название – применение механизмов **«примирения сторон».** Согласно исследованиям, **очень широко распространено прекращение дел за примирением**, причём такой подход поощряют сами сотрудники органов.

Прежнее законодательство позволяло закрыть уголовное дело, если потерпевшая официально простила обидчика. Этим пользовались: по данным нового исследования, **61% уголовных дел** о домашнем насилии в итоге **завершались примирением** сторон. В административных делах (которые возбуждались по фактам побоев лёгкой степени и т.п.) формально **примирение не предусмотрено**, однако суды находят лазейку – прекращают дело за **«отсутствием общественной опасности»** (малозначительностью правонарушения). Таких случаев – **28% от числа административных материалов**. Иначе говоря, почти по трети эпизодов судьи решают, что раз стороны помирились, то инцидент можно считать незначительным и не наказывать нарушителя. **Официальная статистика 2021 года** подтверждает эту тенденцию: из почти 39 тысяч случаев насилия в **20 769 семьях стороны помирились**, еще в **15 142 случаях конфликт был «урегулирован»** (вероятно, имеется в виду, что достигнуто соглашение). Лишь в **2 222 случаях** конфликт остался неурегулированным, и только **921 случай** завершился разводом. То есть в подавляющем большинстве ситуаций женщина возвращается к агрессору. Эксперты выражают обеспокоенность такой практикой: **примирение нередко навязывается жертве под давлением семьи или махалли**, без гарантий, что насилие не повторится. Фактически, система выдыхает с облегчением, «что скандала удалось избежать», однако **для жертвы это часто означает продолжение побоев** после короткой передышки. Отсутствие эффективного контроля за поведением агрессора после примирения – серьезный пробел. Как отмечается в исследовании, **нет чётких критериев, когда допустимо мирить стороны**, и **нет механизма мониторинга** ситуации в семье после примирения. Всё это превращает процедуру «мирного урегулирования» в формальность, которая **лишается смысла, если насилие продолжается или обидчик остаётся безнаказанным**.

Безнаказанность и мягкие наказания. Стремление замять дела миром ведёт к тому, что **агрессоры редко несут серьёзную ответственность** за свои действия. Если дело и доходит до суда, зачастую выносятся **чересчур мягкие приговоры**. Судьи нередко проявляют снисходительность, видя в семейных скандалах бытовую ссору, не заслуживающую строгого наказания. В результате домашние тираны убеждаются в своей безнаказанности. По словам экспертов, **в подавляющем большинстве случаев преступники остаются недонёсшими наказание**. До 2023 года в Уголовном кодексе Узбекистана не было отдельной статьи за домашнее насилие – эпизоды квалифицировались по общим статьям (побои, умышленные легкие телесные повреждения и т.п.), которые предполагали небольшие штрафы или административный арест. Даже теперь, когда введены специальные нормы, наблюдается практика назначения условных наказаний. Например, в резонансном случае в соседнем Кыргызстане судья отпустил мужа под пробацию (испытательный срок) после того, как он **дважды изнасиловал свою жену**. Подобные примеры есть и в Узбекистане: если женщина отказывается официально претензий, муж отделывается предупреждением; если же дело дошло до суда, наказание может ограничиться условным сроком или исправительными работами. **Статистика 2023 года** показывает: после введения отдельной уголовной статьи о домашнем насилии к ответственности привлекаются тысячи нарушителей – **9131 человек были признаны виновными в 2023 году** по новым нормам. Однако большинство из них привлечены именно к **административной**

ответственности (штрафам, аресту до 15 суток) либо к **небольшим уголовным наказаниям**, не связанным с реальным лишением свободы. Это, безусловно, лучше, чем полная безнаказанность, но всё ещё **недостаточно, чтобы создать атмосферу нетерпимости к насилию**. Женщины-активистки справедливо указывают: пока обидчики в массе избегают сурового наказания, они не боятся продолжать творить злоотношение судов подаёт опасный сигнал обществу: как будто **насилие в семье – не настоящий «злорадный» преступление**. Для изменения ситуации необходима неизбежность наказания за каждое проявление жестокости, особенно за повторное. Пока же женщины часто остаются один на один с агрессором, который уверился в своей полной власти.

Ошибки в квалификации самообороны. Отдельная проблема – подход системы к случаям, когда жертва, защищая свою жизнь, причиняет вред или смерть агрессору. В ситуации многолетнего насилия женщины иногда вынуждены прибегнуть к самообороне, но правоохранители не всегда готовы учитывать контекст. Известен случай в Кашкадарье: 40-летняя женщина, задушившая мужа-шантажиста, сразу была задержана по подозрению в убийстве. В дальнейшем следствие установило, что она терпела регулярное насилие и защищалась – дело переквалифицировали на **превышение пределов необходимой обороны (ст.100 УК)**. Однако даже эта статья предполагает уголовное наказание до 3 лет лишения свободы. Получается, жертва все равно превращается в обвиняемую. Многие критикуют такие случаи как **вопиющую несправедливость**: женщина, которую государство не смогло защитить, оказывается на скамье подсудимых за попытку защитить себя и детей. В Узбекистане пока нет законодательного механизма освобождения от ответственности жертв домашнего насилия, совершивших преступление в состоянии самообороны. В мировой практике известны примеры, когда женщины, убившие мучителей, получали длительные сроки, так как суды не учитывали предшествующие годы побоев как смягчающий фактор. В нашей стране подобные ошибки тоже возможны из-за недостатка методических рекомендаций для следователей и судей. Нужно обучать правоохранителей правильно **квалифицировать действия жертв, защищающих свою жизнь**. Если имели место систематические избиения, угрозы убийством, и женщина совершила непреднамеренное убийство агрессора, такое дело должно рассматриваться максимально внимательно и с учетом синдрома жертвы, а не на общих основаниях умышленного убийства. Пока же каждая такая история – трагедия: и для погибшей (которая заплатила жизнью), и для защитившейся (которую могут ждать годы тюрьмы).

Низкий уровень доверия к органам. Перечисленные проблемы – ориентация на примирение, мягкость наказаний, формальный подход к самообороне – подрывают доверие женщин к системе правосудия. **Более 60% пострадавших** предпочитают обращаться не в полицию, а **к друзьям и родственникам** за помощью. Это подтверждает опрос: лишь **28% женщин** пошли в милицию или суд, столкнувшись с насилием, тогда как остальные искали неофициальных путей решить проблему или просто молчали. Причины такого недоверия ясны: многие не верят, что полиция их защитит, а суд накажет агрессора. Есть опасение, что заявление в милицию обернется еще большим гневом мужа, в то время как полиция все равно **«ничего не сделает, только**

пожурит». К сожалению, подобное действительно происходит. Нередки жалобы, что участковые уговаривают забрать заявление, особенно если травмы у женщины не критические. В итоге женщины попадают в замкнутый круг: **боятся обратиться за помощью, потому что не верят в помощь.** Для разрыва этого круга нужны серьезные изменения в правоприменении: строгий учет каждого сигнала о насилии, защитные меры с момента первого обращения (вплоть до изоляции агрессора), неукоснительное доведение дел до суда и справедливые приговоры. Позитивный шаг – уголовизация домашнего насилия в 2023 году, благодаря которой уже в том же году **9 131 агрессор понес ответственность** (административную или уголовную). За **первые 3 месяца 2024 года** по новым статьям осуждены **4 477 человек**, и это число продолжит расти. Законодатели устранили правовой вакуум, однако **внедрить новый закон в практику** – задача не менее сложная. Пока полиция и суды действуют по-старому, попустительствуя примирению и мягко карая преступников, домашнее насилие будет процветать. Необходимо, чтобы правоохранительная система перестала относиться к семейным побоям как к мелкому бытовому конфликту и **начала применять принцип нулевой толерантности.**

Реальные истории жертв

За каждой цифрой статистики стоят чьи-то поломанные судьбы. **Реальные истории** пострадавших женщин оголяют ту боль и трагедию, которую несет домашнее насилие, а **эксперты** дают понять, насколько необходимы перемены. Приведем несколько примеров, прозвучавших в СМИ и общественном пространстве, – эти истории служат мощным аргументом в пользу реформ.

Летальные исходы и калечащие расправы. Регулярно в новостях появляются сообщения о чудовищных преступлениях на почве бытового насилия. В упомянутом выше случае в Ферганской области пожилой мужчина хладнокровно убил свою невестку из-за мелочи. В январе 2023 года в Сурхандарье 35-летняя женщина была забита до смерти сожителем, который ревновал ее и требовал признаться в выдуманной измене. В июне 2024-го в Наманганской области 50-летний муж задушил жену – вероятно, за «неповиновение» (эти данные часто остаются между строк). В каждой такой трагедии обычно фигурирует долгая предыстория: годы издевательств, угроз, возможно, были обращения в милицию, после которых стороны мирились. Например, резонанс получило убийство молодой женщины по имени Мадина Нукунова в ноябре 2023 года в Каракалпакстане – её муж ранее привлекался за насилие, но каждый раз возвращался домой по примирению. В итоге избиения повторялись, пока дело не дошло до фатального исхода. Некоторые журналисты привели несколько чудовищных эпизодов насилия над женами в разных регионах, подчеркнув **банальность поводов:** «нагрубил свекру» – и была убита, «отказалась выйти замуж» – и была зарезана отвергнутым, «подозревалась в неверности» – и задушена. Эти случаи показывают, что **любая женщина может оказаться жертвой**, независимо от своего поведения просто потому, что в нашем обществе долго терпели подобное **обесценивание её жизни.**

Доведение до самоубийства. Не все истории становятся уголовными делами – некоторые женщины видят выход лишь в сведении счетов с жизнью. Эксперты бьют тревогу по поводу роста числа **суицидов среди женщин**, связанных с домашним насилием. Когда жертва не получает защиты и не верит,

что ситуация изменится, она может сделать страшный выбор. Например, известен случай молодой матери троих детей, которая подожгла себя (совершила акт саможжения) после того, как ее очередное обращение в махаллю с жалобой на побои мужа осталось без реальных последствий. Она выжила, но осталась инвалидом с тяжелыми ожогами – теперь активисты добиваются наказания для ее мужа и помогающих ей волонтеров. Таких историй множество: женщины выпрыгивают из окон, принимают яд, лишь бы вырваться из ада домашнего рабства. **Каждое такое самоубийство – укор обществу и государству**, не сумевшим защитить гражданку.

Реакция государства. Следует отметить, что и на высшем уровне начали признавать проблему. Президент Ш. Мирзиёев в своих выступлениях в 2022–2023 гг. несколько раз упоминал о важности защиты женщин, приводил официальные цифры по насилию, призывал усилить меры профилактики. Было учреждено **Министерство махалли и поддержки семьи**, действуют **Комитет женщин** и **Омбудсман по правам женщин**. К кампании «16 дней активизма против гендерного насилия» ежегодно присоединяются государственные структуры, проводятся акции и семинары. Однако, как отмечают эксперты, часто власти предпочитают делать упор на **декларации**, а не на реальные действия. Светлана Дзарданова констатирует: вместо решения проблемы некоторые официальные лица **атакуют самих активистов**, считая их требования «чуждыми ценностями». Действительно, еще недавно продвигавшие закон об охране женщин назывались «иностранными агентами» или обвинялись в попытке навязать «западные нормы». Но ситуация постепенно меняется – под давлением общественного мнения и международных обязательств государство все же делает шаги навстречу. **25 января 2023 года**, после многолетних требований, парламент наконец принял поправки, криминализирующие домашнее насилие.

Истории реальных жертв – убитых, затравленных, но и тех, кто сумел вырваться и заговорить – служат мощным аргументом. Они демонстрируют, что за сухими словами «бытовое насилие» скрывается **чудовищная жестокость и сломанные жизни**. Эти истории также вдохновляют на перемены: пример смелости отдельных женщин показывает другим, что молчать нельзя. А голоса экспертов формируют **путеводную нить**, указывая, что именно надо менять в системе.

Международные стандарты и опыт: чему учиться у других стран

Проблема насилия в отношении женщин имеет глобальный масштаб, и международное сообщество разработало ряд стандартов и рекомендаций для её решения. Узбекистан, будучи частью мирового сообщества, может и должен применять **лучшие практики других стран**, адаптируя их к национальному контексту. Рассмотрим, какие **международные стандарты** существуют и как опыт иностранных государств может помочь улучшить ситуацию у нас.

Обязательства по конвенциям ООН. Прежде всего, Узбекистан является участником ключевых международных договоров по правам человека. В 1995 году республика ратифицировала **Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW)**. Эта Конвенция обязывает государства принять меры для защиты женщин от любой формы насилия, поскольку насилие признано крайним проявлением дискриминации. Комитет

CEDAW неоднократно подчёркивал, что страны-участницы должны **криминализовать домашнее насилие**, обеспечивать убежища для жертв, наказывать виновных и работать над профилактикой. В 2022 году на сессии Комитета правительство Узбекистана отчиталось о принятых мерах, и международные эксперты дали ряд рекомендаций – в том числе расширить определение насилия, улучшить сбор данных и обучение полиции (эти рекомендации публично не афишировались, но отражены в докладах ННО). Выполнение международных обязательств – не абстрактная вещь: например, цели **Повестки ООН 2030** по устойчивому развитию включают **цель 5.2**: искоренить насилие в отношении женщин и девочек. Таким образом, государство обязано синхронизировать национальные усилия с глобальными целями.

Стамбульская конвенция – образец комплексного подхода. В 2011 году была открыта для подписания **Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием**, известная как **Стамбульская конвенция**. Это самый прогрессивный международный договор по данной теме. Хотя Узбекистан не является участником Стамбульской конвенции, ее стандарты служат ориентиром. Конвенция дает четкое определение: **домашнее насилие – это все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия**, происходящие в семье или бытовом партнерстве. Она обязывает криминализовать **все формы насилия** (включая преследование, принудительный брак, клеймение, принудительные аборт/стерилизацию), **запретить применение медиации и примирения** в делах о домашнем насилии (ст. 48), обеспечить **немедленное реагирование полиции** на каждый сигнал (ст. 50), выдачу **приказов о защите и запретительных ордеров** (ст. 53) и создание достаточного числа **убежищ** для жертв (ст. 23). Страны должны вести **статистику** случаев и ежегодно отчитываться о мерах. Несмотря на то, что Узбекистан пока не присоединился к этой Конвенции, многие ее положения уже находят отражение в национальном законодательстве (как, например, определение видов насилия в законе 2019 г.). Но ключевое, чему учит Стамбульская конвенция, – это **комплексный подход**: одновременно ужесточение закона, просвещение, профилактика и помощь жертвам. Узбекистан мог бы рассмотреть возможность присоединения к Конвенции или, по крайней мере, имплементации ее основных положений во внутренние политики. Это бы послужило сигналом международному сообществу и своим гражданам, что страна серьезно настроена на борьбу с насилием.

Опыт соседних стран. В регионе Восточной Европы и Центральной Азии Узбекистан стал **пятым государством**, криминализовавшим домашнее насилие как отдельное преступление – после Грузии, Кыргызстана, Молдовы и Украины. Опыт этих стран показывает, что принятие закона – лишь первый шаг. Например, **Киргизия** ещё в 2017 году ввела отдельную статью за домашнее насилие, однако сталкивается с проблемами правоприменения, похожими на узбекские: милиция часто ограничивается вынесением защитного предписания, а затем не контролирует его исполнение; многие дела также заканчиваются примирением. Тем не менее в Киргизии ежегодно регистрируют тысячи случаев: в 2022 году – **9 959 случаев**, 92% из пострадавших – женщины, а в 2023 году обращений стало ещё больше – **13 104**, из них 95% женщины. Эти цифры свидетельствуют: рост

числа зарегистрированных эпизодов – это не обязательно рост насилия, а возможно, повышение осведомленности и доверия к органам. Кыргызстан также запустил пилотные программы **переобучения агрессоров** – при некоторых кризисных центрах с ними работают психологи (хотя охват пока мал). **Грузия** и **Украина** ратифицировали Стамбульскую конвенцию и внедряют ее стандарты: в Грузии созданы **специализированные группы полиции по реагированию на бытовое насилие**, действует электронная система отслеживания случаев. **Молдова** ввела обязательные коррекционные программы для мужчин, совершивших насилие, и добилась того, что вынесение защитных ордеров там занимает считанные часы. Для Узбекистана ценен и опыт **Казахстана** – страны со схожим менталитетом. Казахстан еще не криминализовал полностью домашнее насилие (там оно рассматривается как административный проступок), но активисты добиваются реформ. В Казахстане по инициативе МВД в некоторых регионах внедряют практику **«Полицейских защитных ордеров»** – когда участковый выносит срочно предписание агрессору не приближаться к жертве, выселяет его на 10 дней из дома. Также в Казахстане обсуждается законопроект об ужесточении мер, и там активно изучают узбекский новый закон, чтобы перенять полезные положения. Таким образом, сотрудничество и обмен опытом между странами региона может помочь всем им улучшить ситуацию.

Лучшие практики мирового уровня. Если смотреть шире, на глобальный опыт, можно выделить несколько ключевых мер, которые доказали свою эффективность:

- **Специализированные службы и суды.** В ряде стран (например, **Испания, Бразилия, Канада**) созданы **специализированные полицейские подразделения и суды** по делам о домашнем насилии. Это означает, что жалобы рассматривают подготовленные офицеры, а дела слушают судьи, понимающие специфику. В Испании такая система была введена после принятия в 2004 году Всеобъемлющего закона о защите от гендерного насилия, и за следующие 15 лет число убийств женщин партнерами снизилось на значительную величину. Специальные суды позволяют быстрее изолировать агрессора и учесть психологические аспекты.

- **Запрет на медиацию.** Во многих странах Европы прямо запрещено мирить стороны в случаях домашнего насилия (это требование Стамбульской конвенции). Например, в **Болгарии и Румынии** закон гласит, что примирение не является основанием для прекращения дела – даже если жертва отзовет заявление, прокурор продолжит преследование *ex officio*. Узбекистан мог бы перенять такую норму, исключив возможность закрыть дело по примирению (особенно повторное).

- **Ордеры и браслеты.** В **Великобритании** и **Франции** практикуется электронный мониторинг агрессоров: выдается **«запретительный ордер»**, нарушителю надевается электронный браслет, и при приближении к дому жертвы полиция моментально реагирует. Также есть практика **«полицейского предостережения»**: когда за первое относительно нетяжкое проявление (например, толчок или угрозу) агрессору выносится предупреждение и ставится отметка – при повторении он автоматически пойдет под суд.

• **Социальная реклама и образование.** Во многих странах активно проводят кампании «Zero Tolerance» – нулевая терпимость к насилию. В школьных программах вводят уроки по воспитанию без агрессии, уважению к партнерам. **Швеция** добилась снижения бытового насилия, начиная воспитывать уважение к женщинам с детского сада. **Италия** запустила широкую кампанию «Красная обувь» против фемицида, что повысило осведомленность и побудило законодательные реформы.

Узбекистан может извлечь уроки из чужих успехов и ошибок. Один из главных выводов мирового опыта: **строгость закона должна сочетаться с неукоснительным исполнением и профилактикой.** Просто принять закон – недостаточно, нужно обеспечить его реализацию на местах, финансировать приюты, тренировать полицию, вести учет и анализировать эффективность мер. Международные организации – ООН, ОБСЕ, ЕС – готовы помогать в этом консультативно и финансово. Так, в 2020–2022 гг. программы **UNFPA и ЮНИСЕФ** поддерживали обучение узбекских специалистов, переводили на узбекский язык материалы о работе с семьями группы риска, запускали информационные кампании. Следует продолжать сотрудничество и привлекать лучший опыт.

Подытоживая: Узбекистану, начиная борьбу с домашним насилием, важно **ориентироваться на международно-признанные стандарты** защиты прав женщин. Это значит – признавать *любое* насилие над женщиной нарушением прав человека, обеспечивать *комплекс мер* (закон + защита + профилактика), а не разовые акции. Опыт других стран показывает, какие инструменты работают, а какие – нет. Используя эти знания, можно избежать лишних потерь времени и сразу внедрять прогрессивные практики, адаптированные к нашим условиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Домашнее насилие в Узбекистане – это чрезвычайная ситуация, требующая решительных и скоординированных действий от государства и общества. Проведенный анализ ясно демонстрирует: несмотря на некоторые позитивные шаги (принятие закона 2019 г. и поправок 2023 г.), система защиты жертв пока неэффективна. Тысячи женщин остаются в опасности, нередко с трагическим финалом. На основе изложенного можно сформулировать ряд **конкретных рекомендаций** для законодателей, правоохранительной и судебной системы, а также для общества в целом:

1. Совершенствование законодательства. Необходимо продолжить работу над правовой базой с учётом выявленных пробелов. В частности, стоит **расширить уголовно-правовое поле:** криминализировать не только физическое, но и **психологическое и экономическое насилие** как самостоятельные составы. Следует внести изменения, **исключающие возможность примирения** в делах о домашнем насилии тяжкой и средней тяжести – преследование должно вестись даже при отказе потерпевшей от заявления, если имеются доказательства. Рекомендуется также проработать норму об **освобождении от ответственности** жертв, совершивших деяния в состоянии необходимой обороны после длительного насилия (ввести понятие «*синдром подвергшейся насилию женщины*» как обстоятельства, влияющего на квалификацию и наказание). Законодательно закрепить **обязательные реабилитационные программы** для лиц, совершивших насилие: прохождение курсов управления гневом, трудотерапии и др. – как

дополнительная мера к наказанию. Кроме того, необходимо повысить статус охранного ордера: прописать, что **нарушение защитного предписания – уголовно наказуемо**, чтобы агрессоры боялись приближаться к жертве. В целом привести национальное законодательство максимально в соответствие с положениями Стамбульской конвенции и рекомендациями CEDAW.

2. Усиление правоприменения и подготовки кадров. Законы будут работать лишь тогда, когда **полиция и суды** изменят свою устоявшуюся практику. Требуется масштабное **обучение сотрудников МВД, прокуроров и судей** по вопросам домашнего насилия. Каждому участковому инспектору нужно разъяснить, что его задача – **защитить жертву, а не помирить её с агрессором**. Необходимо внедрить протоколы реагирования: при первом же сообщении о насилии полицейский обязан обеспечить безопасность женщины (например, удалить агрессора из дома на 10 дней, как разрешает закон), помочь ей составить заявление, направить на судебно-медицинское освидетельствование, проинформировать о службах помощи. Руководству МВД стоит установить **контроль за работой на местах**: учитывать, сколько поступило сигналов, сколько выдано ордеров, сколько дел доведено до суда. Показатель успешности должен быть не «сколько примирили семей», а **сколько женщин реально защитили и скольких агрессоров наказали**. Судебной системе нужны внутренние инструкции – например, Верховному суду целесообразно выпустить **постановление Пленума** о практике применения законодательства по делам о домашнем насилии, где подчеркнуть недопустимость чрезмерно мягких приговоров и необходимость учитывать предыдущее поведение обвиняемого. Следует также расширять сеть **специализированных подразделений**: выделить в райотделах милиции офицеров, ответственных за семейные правонарушения, а в судах рассматривать такие дела быстрее и при возможности – силами специальных судей. Отдельно – про контроль за исполнением решений: если выдан ордер или назначен испытательный срок, службы пробации и инспекторы должны **регулярно проверять** условия (навещать семью, беседовать с женщиной отдельно). Министру внутренних дел и Генпрокуратуре стоит создать совместную рабочую группу по мониторингу этих дел и наладить **статистическую отчётность** с полной разбивкой (сколько случаев, какие меры, результаты). Без неукоснительного правоприменения даже лучший закон останется на бумаге.

3. Реальная защита и поддержка жертв. Для пострадавших женщин мало просто наказать обидчика – им нужна **помощь, чтобы начать новую жизнь без насилия**. Поэтому крайне важно развивать инфраструктуру поддержки. Необходимо увеличить число **убежищ (кризисных центров)** для женщин с детьми, где они могут временно проживать в безопасности. По состоянию на 2022 год, по официальным данным, в стране работало лишь 29 кризисных центров, что явно недостаточно для многомиллионного населения. Необходимо открывать при каждой области хотя бы по одному приюту, а в крупных городах – несколько, финансировать их из бюджета, привлекая ННО к управлению. Также нужны **бесплатные юридические консультации** – помочь женщине оформить развод, раздел имущества, опеку над детьми, подать на алименты. Оказывать психологическую помощь, в том числе детям, ставшим свидетелями насилия (это травма, требующая работы специалистов). Министерству здравоохранения

следует наладить систему направления пострадавших из больниц и поликлиник к психологам и социальным работникам. **Горячие линии** (номера 102, 1102, 1146) должны не просто принимать звонки, но и эффективно взаимодействовать с полицией для немедленного выезда на место. Хороший шаг – создание телеграм-ботов и чатов типа «*He молчи*» и «*Zo'ravonlikka yo'l yo'q*» («Долой насилие»), куда можно написать в случае угрозы – но важно, чтобы на такие обращения своевременно реагировали. Институт махалли может сыграть положительную роль: вместо того, чтобы уговаривать жену «терпеть», махаллинский комитет должен **встать на сторону жертвы**, оказать ей убежище на первую ночь, вызвать милицию, переговорить с агрессором о недопустимости насилия. Для этого председателей махаллей тоже нужно обучить и проинструктировать официально. То есть выстроить **систему раннего реагирования** на местном уровне. Если все эти звенья – милиция, соцслужбы, медики, махалля – будут действовать согласованно, удастся предотвратить многие трагедии.

4. Работа с общественным мнением. Пожалуй, самое трудное – это **изменить укоренившиеся патриархальные взгляды и стереотипы**, оправдывающие насилие. Но без этого успех будет половинчатым. Здесь необходимо задействовать образование, медиа, религиозных лидеров, известных персон – всех, кто влияет на ценности людей. Министерству народного просвещения следует внедрить в школьную программу разделы о **гендерном равенстве и ненасильственном решении конфликтов**, проводить классные часы по теме взаимоуважения в семье. Духовное управление мусульман Узбекистана могло бы издать фетву или разъяснение, что ислам осуждает жестокость к жене, и включить эту тему в пятничные проповеди (ведь некоторые агрессоры оправдывают себя религией, ошибочно полагая, что вера позволяет им «наказывать» жен). Средствам массовой информации стоит **освещать проблемы жертв объективно и с сочувствием**, избегая обвиняющих формулировок. Вместо заголовков вроде «Жена довела мужа до убийства своей изменой» – фокусироваться на ответственности агрессора: **виноват бьющий, а не та, которую бьют**. Социальная реклама, сериалы, ток-шоу – все эти каналы можно использовать, чтобы донести: домашнее насилие – позор, а не норма. Крупные общественные организации, такие как движение «Юксалиш» или Союз молодёжи, могли бы проводить кампании по всей стране: конкурсы рисунков против насилия, театральные постановки, флешмобы (например, акция «Наденьте чёрную ленту в знак протеста против насилия»). Важно также **публично поддерживать смелых женщин**, которые не побоялись заявить о проблеме. Когда общество перестанет осуждать жертву и начнёт осуждать агрессора, тогда и сами агрессоры задумаются. Необходимо **разрушить стигму**: развод – не позор, позор – поднимать руку на близких. Эта ментальная трансформация может занять годы, но её надо начинать уже сейчас.

5. Мониторинг и сотрудничество. Реформы не осуществляются за один день, поэтому крайне важно ввести механизм постоянного контроля и оценки эффективности принимаемых мер. Предлагается создать при Олий Мажлисе или Кабинете Министров **межведомственную комиссию** по противодействию семейному насилию, куда войдут представители МВД, Минюста, Минсоцполитики, здравоохранения, а также независимые эксперты и активисты. Эта комиссия могла

бы раз в год публиковать **доклад о ситуации с насилием**, приводя свежие цифры (сколько обращений, сколько наказано, сколько рецидивов, сколько выдано ордеров и т.д.), анализировать тенденции и предлагать новые меры. Такой доклад должен быть доступен обществу – это повысит прозрачность и доверие. Кроме того, стоит продолжать **сотрудничество с международными организациями**. Привлечение экспертов ООН, ОБСЕ, международных НГО поможет перенимать успешные модели. Было бы полезно в перспективе **ратифицировать Стамбульскую конвенцию**, показав тем самым приверженность мировым стандартам, – но до этого необходимо привести своё законодательство к её требованиям, чтобы избежать формального подхода.

В заключение следует подчеркнуть: **борьба с домашним насилием – это общенациональная задача**, от решения которой зависит здоровье и жизнь тысяч граждан, а также устойчивость института семьи в позитивном смысле. Семья не должна быть местом страха и страданий. Государство обязано выполнить свою главную функцию – **обеспечить безопасность гражданина у него дома**. Для этого нужны и политическая воля, и ресурсы, и кропотливая работа на всех уровнях. Но любые затраты оправданы, ведь речь идёт о базовом праве человека – праве на жизнь без насилия. Узбекистан уже сделал важный шаг, признав проблему и начав законодательные реформы. Теперь предстоит превратить хорошие законы в реальную защиту. И мы все – законодатели, судьи, милиционеры, махаллинские активисты, соседи и родственники – должны менять свои подходы и установки. Только совместными усилиями можно разорвать порочный круг страха и молчания. Настало время, когда **молчание – не вариант**: необходимо действовать ради будущих поколений, чтобы наши дочери и сестры жили в обществе, где **нет оправдания домашнему насилию**, а каждая женщина чувствует себя защищенной и уважаемой. Это и будет подлинным укреплением семьи и общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. “Devastatingly Pervasive: 1 in 3 Women Globally Experience Violence.” *World Health Organization*, 9 Mar. 2021, <https://www.who.int/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence>. Accessed 20 Feb. 2025.
2. “Статистика по делам о домашнем насилии в Узбекистане.” *Stat.sud.uz*, официальные отчёты МВД Узбекистана, 2021–2024, <https://stat.sud.uz/>. Accessed 20 Feb. 2025.
3. “Закон «О защите женщин от притеснения и насилия».” Закон Республики Узбекистан, 2019.
4. “Поправки к Закону «О защите женщин от притеснения и насилия».” Законодательные акты Республики Узбекистан, апрель 2023.
5. “Уголовный кодекс Республики Узбекистан.” Официальное издание, Республика Узбекистан, 2019 (и последующие редакции).
6. Mirziyoyev, Shavkat. “Речь Президента по вопросам защиты женщин от насилия.” Официальный сайт Президента Республики Узбекистан, 2022–2023, www.president.uz. Accessed 20 Feb. 2025.

7. Kholmiraev, Utkirbek, and Zayniddin Shamsidinov. "Semiotics of Legal Transplants: Exploring Domestic Violence Justice in Uzbekistan." *International Journal of Semiot Law*, Springer Nature, 2024, doi:10.1007/s11196-024-10150-2.

8. "Gender Zo'ravonlik Bo'yicha Tadqiqot Natijalari: Milliy Tajriba va Xorijiy Amaliyot." Research Report, 2022, <https://moiti.uz/oz/services/library/150>. Accessed 20 Feb. 2025.

9. "Колонка: Закон, призванный защищать женщин от насилия, одновременно служит и для их наказания." *Газета.uz*, 13 May 2024, <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/13/domestic-violence/>.

10. "Какое наказание получают агрессоры за насилие над женщинами и что нужно изменить в борьбе с насилием в семье." *Газета.uz*, 11 Dec. 2024, <https://www.gazeta.uz/ru/2024/12/11/violence/>.

11. "Спасение от насилия: История одной женщины." *UNDP Uzbekistan*, <https://www.undp.org/ru/uzbekistan/stories/spasenie-ot-nasiliya-istoriya-odnoy-zhenschiny>. Accessed 20 Feb. 2025.

12. "Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW)." *United Nations*, 1979, <https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/>. Accessed 20 Feb. 2025.

13. "Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Stambul Convention)." *Council of Europe*, 2011, <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/210>.

14. "United Nations Sustainable Development Goal 5: Achieve Gender Equality and Empower All Women and Girls – Target 5.2." *United Nations*, <https://sdgs.un.org/goals/goal5>. Accessed 20 Feb. 2025.